

Шишков Василий Валерьевич

НЕОИМПЕРСКИЕ ЦЕНТРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЕКТНОСТИ XXI ВЕКА

В статье рассматривается вариативность перспектив политического развития, анализируются позиции политологов. Определяется проблема выявления доминирующей политической модели, форма и реализация которой будут определять основные направления политического развития. Обосновывается неизбежность подъема и образования неоимперских центров в XXI в., определяются факторы, способствующие и сопутствующие этому процессу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 223-227. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 321.01

В статье рассматривается вариативность перспектив политического развития, анализируются позиции политологов. Определяется проблема выявления доминирующей политической модели, форма и реализация которой будут определять основные направления политического развития. Обосновывается неизбежность подъема и образования неоимперских центров в XXI в., определяются факторы, способствующие этому процессу.

Ключевые слова и фразы: империя; национальное государство; асимметрия суверенитета; неоимперия; центр и периферия; политическая трансформация; наднациональность; демографические изменения.

Василий Валерьевич Шишков, к. полит. н., доцент

Кафедра государственной службы и кадровой политики

Институт государственной службы и управления персоналом

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
fh55@mail.ru*

НЕОИМПЕРСКИЕ ЦЕНТРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЕКТНОСТИ XXI ВЕКА[®]

Благодаря глобализации модернизационные процессы нашли свое воплощение в различных странах, приведя к воспроизводству западной модели национального политического объединения на перифериях бывших колониальных империй. Послевоенные события в государствах, принявших западную политическую модель, демонстрируют сложность ее восприятия и укоренения в незападных обществах. Невозможность сформировать миропорядок из «кирпичиков» равных в своем суверенитете национальных государств, встроенных в глобализацию, выступает фундаментальной причиной нестабильности.

Нестабильность и бесполярность современной политической картины мира позволяют рассматривать вариативность перспектив политического развития стран и регионов. При этом возможна реализация различных вариантов политической проектности: мегаполисы, воссоздающие политическую модель городов-государств [6; 17]; транснациональные структуры, вытесняющие национальные государства из политической сферы общественной жизни [26]; наднациональные сообщества, принимающие на себя ответственность за решение глобальных проблем, а вместе с этим и власть.

В последнем случае А. Этциони представляет, что мир будет состоять из примерно 20 региональных сообществ, объединенных в несколько трансрегиональных организаций под руководством глобальных органов власти и глобального гражданского общества. Такая будущая система органов власти обладала бы многими признаками нации и подкреплялась бы полномочиями государства и коллективными базовыми ценностями, обладая правосубъектностью в глазах граждан всего мира [24, с. 269]. Подобная глобальная архитектура, основанная на глобальном консенсусе суверенных государств и глобальном гражданском обществе, объединенном общими ценностями, представляется весьма отдаленной и гипотетической перспективой.

В современном мире государства, сохранившие суверенитет под воздействием глобализационных процессов, прилагают усилия к его укреплению. Глобальное гражданское общество формируется в передовых странах на основе ценностей западной цивилизации и преследует цель «решения общих проблем за счет перераспределения политической власти на глобальном уровне» [5, с. 10]. Контуры современного глобального гражданского общества не связаны с интересами и ценностями большинства незападных народов, а его сетевая структура может быть использована для влияния на политику государств со стороны транснациональных структур, в том числе использующих террористические методы.

Государство как форма политической организации общества объективно необходимо в качестве института, обеспечивающего эффективное социальное взаимодействие. Функции государства уже третье столетие продолжают неуклонно смещаться - хотя это непростая и далеко не прямолинейная эволюция - с традиционных чисто военных в сторону социально-экономической регуляции и правового обеспечения [8, с. 83].

По мнению У. Бека, смещение функции государства приведет к образованию «космополитического государства». Космополитическое государство можно, в противоположность этому, определить как некое властное образование, в котором государство реализует разделенный правовой суверенитет (по отношению к определенному населению) для защиты прав граждан мира и демократии. Законные права на самоопределение предполагают их открытие для других граждан и групп населения, и обеспечение их прав на самоопределение внутри и за пределами национального контекста. Иными словами: государственная самоизоляция требует институционализации трансгосударственного, международного диалога как во внутренней области, так и во внешней [2, с. 299]. Разделенность суверенитета уже предполагает межвластье или даже безвластье, при безвластии политика как таковая невозможна. Сам У. Бек признает невозможность превратить отдельное национальное государство в космополитическое. Все же следует признать справедливость его замечания о том, что «суверенитет познается, делается возможным и развивается уже не через гомогенность и замкнутость, а через многообразие и объединение» [Там же, с. 310].

Динамика современного мира характеризуется поиском моделей его развития, учитывающих совокупность глобальных, региональных, национальных и локальных процессов в реальной политической системе мира.

Среди противоречий современного мира Ж. Аттали выделяет противоречие между рынком и демократией. По его мнению, сущность рынка такова, что он требует все более глобального охвата, тогда как демократия остается на национальном или локальном уровне. Исходя из вышеприведенного противоречия, исследователь описывает пять возможных этапов дальнейшего развития. На первом этапе произойдет ослабление американской империи, на втором 11 других государств начнут уравнивать Америку, и мир станет полицентричным. Третий этап – мировое господство рынка – «гиперимперии». Причем рынка без демократии, когда все более будет доминировать не какая-то одна страна, а рынок в целом. Последует глобальная приватизация экономики, во всех сферах утвердятся главенство мировых корпораций, а понятие «нация» превратится лишь в отзвук былых реалий. Миром будут править «гиперкочевники». Все это подготовит приход четвертого этапа, который характеризуется огромным неравенством, а потому будет чрезвычайно тяжел. Содержание этого этапа – война, его можно назвать «гиперконфликтом». Пятый этап – «гипердемократия». То есть демократия, утвердившаяся в глобальном масштабе, демократия, которая стала такой же сильной, как и рынок [1, с. 54-56].

Проблема такой интерпретации видится в том, что рынок или капитал сами по себе не могут принять функции политического управления. Мировые корпорации, «гиперкочевники» не обладают необходимыми политическими ресурсами для установления политического господства и инструментами для его реализации. Вполне возможно, что в таком сценарии мир остановится на этапе полицентричного мира, разделенного между новыми имперскими конгломератами, что не исключает «гиперконфликта».

Р. Шапиро строит свой прогноз до 2020 г. на основе учета трех глобальных факторов, переустройства ближайшего будущего. Первый – глобальное изменение демографической ситуации, включающее рост населения в развивающихся странах и старение населения в развитых. Второй – глобализация и быстрое развитие очень сложных мировых денежных систем, ресурсов, производства и потребностей потребителя. Третий – крах советской империи [23, с. 9-10]. В связи с последним фактором геополитика будущего будет определяться и управляться двумя новыми условиями. Наличием мировой супердержавы – США – и новыми институтами для управления экономическими проблемами в орбите глобализации (ВТО и т.п.). Также в геополитике ближайшего будущего имеет значение подъем Китая, геополитическая маргинализация Европы, ослабление России и Японии [Там же, с. 34-39].

В работе Дж. Фридмана, предлагающего прогноз до 2100 г., также утверждается, что США сохранят господствующее положение, Россию, Европу и Китай ждет упадок. К 2050 г. США преодолечат вызов со стороны Японии и Турции. Развитие событий в XXI в. будет определяться отношениями по геополитическим «линиям разлома», к которым относятся Тихоокеанский бассейн, Евразия, Европа, исламский мир и граница США и Мексики [21, с. 92-93].

Не отвергая значение демографических изменений, глобализации и существования геополитических противоречий в современном мире, необходимо учитывать, что в этом ракурсе перспективы самих США не выглядят многообещающими. Демография США характеризуется притоком мигрантов из стран Латинской Америки, включение которых в американское общество сталкивается с труднопреодолимыми препятствиями культурного и цивилизационного плана и старением коренного белого населения [22]. США играют ведущую роль в глобализации [18, с. 111] и больше всего выигрывают от нее [14, с. 20], но кризис 2008 г. показал, что «экономика США пала жертвой роли доллара как резервной валюты. Или, если выразиться точнее, - чрезмерно высокой репутации правительства США как заемщика» [9, с. 65]. Доля США в мировой экономике сокращается (по данным МВФ к 2016 г. сократится до 17,7%), а доллар теряет позиции единственной мировой резервной валюты [10, с. 8]. По мнению авторов доклада «Глобальные тенденции - 2025: меняющийся мир», доминирующие позиции США будут ослаблены [12, с. 21-22].

Более объективный подход к тенденциям, меняющим мир, демонстрирует норвежский исследователь Й. Гальтунг. По его мнению, есть 10 геополитических и социальных тенденций, трансформирующих современность. Геополитические тенденции – это: закат и падение империи США, закат Запада, ослабление государств и усиление регионов, подъем «остальных» и рост Китая. Социальные тенденции – это: укрепление наций, укрепление гражданского общества, рост активности молодежи, повышение роли женщин, усугубление неравенства и мятежи [7, с. 9].

Исследователь оставляет без объяснения противоречие между указываемым упадком государств и укреплением наций, а также гражданского общества. Тем не менее он отмечает, что главная причина неотвратимости тенденции к закату государства и усилению регионов на удивление проста. Маркс писал о средствах производства, но не о средствах связи и транспорта. Благодаря скоростному перемещению все процессы в мире протекают в режиме реального времени, и размеры большинства стран значительно сокращаются. Выживут только сильнейшие – БРИК, США и некоторые другие; остальные будут все больше втягиваться в орбиту регионов, которые отличаются географической близостью и культурным родством. В результате получаем: светско-христианский Европейский союз, смешанный Африканский союз, индуистско-мусульманскую Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), смешанную Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), светско-католическую Латинскую Америку, мусульманскую организацию «Исламская конференция» (ОИК), простирающуюся от Марокко до Филиппин, буддистско-конфуцианскую Восточную Азию и светско-православную Российскую Федерацию, где Чечня

имеет такую же автономию как Нидерланды в Евросоюзе. На смену Организации Объединенных Наций (ООН), скорее всего, придет Организация Объединенных Регионов (ООР).

В мире две тысячи наций и около 200 государств, но только 20 из них представляют собой национальные государства, в которых преобладает одна нация. Нации, находящиеся в тени, будут бороться за место под солнцем – за полную независимость, автономию в рамках федерации, за другие виды суверенитета [Там же, с. 13-14]. Позиция Й. Гальтунга заслуживает внимания, несмотря на отмеченное противоречие, поскольку охватывает широкий спектр факторов, подвергающих коррозии современный миропорядок.

В рамках проводимого анализа перспектив новых имперских форм политической организации, как представляется, особое значение приобретают три фактора: политическая трансформация, демографические изменения, темпы и направленность научно-технического развития.

Политическая трансформация связана с потерей государством своего исключительного положения в политике, утратой властных полномочий и отсутствием адекватной замены в сфере политического управления. Политическая трансформация вызвана процессом современной глобализации, инициированной американской империей, и привела к подрыву суверенитета государств, неспособных его обеспечить политическими и другими ресурсами. По признаку суверенности государства разделились на две неравные группы: те, которые под давлением глобализации утратили его, и те государства, которые сохранили свои основные суверенные прерогативы в сфере политики и безопасности. Взаимоотношения между государствами, представляющими эти две группы, будут выстраиваться на основе установившегося неравенства. Империи возникают вследствие неравномерности исторического развития, когда более сильный народ включает в зону своего влияния более слабые [13, с. 281]. Суверенные государства подчинят себе тех, кто не выдержал глобализационной проверки на политическую состоятельность, и включают их в свои сферы влияния, став тем самым новыми имперским центрами.

Политическая трансформация определяет уменьшение государственного суверенитета, что происходит далеко не всегда добровольно. Этот процесс можно наблюдать в самых разных областях экономики (изменение таможенных пошлин, предоставление доступа зарубежным корпорациям к стратегическим отраслям промышленности), прав человека (право использования смертной казни как высшей меры наказания), политики (ограничение политических свобод, отмена избирательных цензов), права (признание верховенства некоторых норм международного права перед национальными, изменения в национальном законодательстве в соответствии с международными нормами) и др. [19, с. 14]. За счет уменьшения сферы суверенного действия государства растет влияние и возможности наднациональных структур, их способность осуществлять эффективное политическое управление в решении сложных проблем (например, ЕС, НАТО, ШОС).

Среди наднациональных структур не следует преувеличивать значение транснациональных организаций – транснациональных корпораций и неправительственных организаций. Современный этап развития транснациональных корпораций происходит в условиях ускоряющихся процессов региональной экономической интеграции, особенно в Европе (ЕС), Северной и Южной Америке (НАФТА и МЕРКОСУР), Азии (АСЕАН и АТЭС) [11, с. 210]. Транснациональные структуры политически зависимы от воли реально суверенных государств.

Представляется вероятным плюрализм политических моделей организации власти, при котором сохраняют свои суверенные прерогативы наиболее устойчивые национальные государства, и в то же время произойдет выделение других форм политической организации – городов-государств, региональных кластеров, негосударственных транснациональных структур. Проблема состоит в определении доминирующей политической модели, формы реализации которой будут определять основные направления мирового политического развития. Наибольшими перспективами обладают крупные политические объединения, имеющие необходимую экономическую и военную мощь, способные консолидировать усилия в сфере технологического развития, оказывать культурное влияние и использовать перечисленные преимущества для достижения своих целей по доминированию над более слабыми странами. Такие политические формы не могут быть охарактеризованы иначе как новые империи [25].

Империи XXI в. выступают в качестве наднациональных носителей суверенитета. Их формирование связано или с упрочением международных организаций, обретением ими собственной суверенности (вероятно ЕС), или с распространением влияния государства, для которого национальные рамки слишком тесны, что может рассматриваться как более традиционный путь образования империй. И в том, и другом случаях на наднациональном уровне сформируются предпосылки выполнения трех условий [24, с. 247-248], позволяющих установить контроль новых центров над перифериями:

- легитимный контроль над силовыми структурами, с приоритетом наднациональных властей;
- право перераспределения ресурсов между государствами;
- самостоятельная политическая правосубъектность.

Для полноценной наднациональности недостаточно просто поделиться суверенитетом, необходимо также сформировать особый уровень власти, выступающий в качестве верховного по отношению к отдельным государствам [Там же, с. 248].

Современные империи наследуют от своих древних и модернизированных предшественниц универсализм, экспансионизм, гетерогенность, систему отношений «центр-периферия», но в их базисе будет преобладать не столько военное превосходство, сколько реализация проектов политической стабилизации и ответственности и экономическая привлекательность.

Постбиполярный мир отличался метастабильностью, его развитие могло пойти по пути сложения более или менее консолидированного глобального сообщества или по пути региональной разобщенности, приводящей к новому разделу мира на сферы влияния между проявившимися политическими центрами силы. Очевидно, что тенденция к такой регионализации возобладавала, убывающее доминирование глобальной американской империи приводит к новому разделу мира на периферии между неоимперскими центрами. В выстраиваемой структуре мира свое место займут неоимперские конгломераты, устанавливающие свое господство над сферами влияния – перифериями.

В формирующейся неоимперской архитектуре мира необходимо различать две группы империй. Первая включает государства, обладающие необходимыми ресурсами и качествами для регионального доминирования в современных условиях. К числу последних относятся:

- стабильные государственные институты, оформленность и действенность сложившейся политической модели;
- развитая научно-техническая основа, ее передовой уровень в нескольких сферах научного знания и технологических отраслях;
- состоятельная экономическая система, позволяющая обеспечить хозяйственную самостоятельность, и привлекательная для взаимодействия и трудовой миграции;
- современные вооруженные силы, обладание ядерным оружием или потенциалом его скорого создания, что выступает в качестве гарантии суверенности;
- обладание цивилизационной идентичностью, что позволяет стать цивилизационным полюсом, консолидировать близкие в этом плане народы в рамках единого политического сообщества;
- имперские традиции, позволяющие вывести на новый уровень традиционные для империй отношения между центром и перифериями.

Перечисленные свойства создают предпосылки имперского доминирования «старых» имперских центров – США, Китая, ЕС и России, которые, видимо, будут делить между собою региональное господство, устанавливая свои сферы влияния.

Процесс демографических изменений указывает на возможность подъема новых протоимперий из числа развивающихся стран, они составляют вторую группу империй будущего.

Население Земли превысило 7 млрд человек. Ожидается, что до 2050 г. оно увеличится еще на три миллиарда. При этом население Азии, Африки и Латинской Америки увеличится на 50%, а население Европы уменьшится минимум на 100 млн человек. Обозначилась тенденция – Запад, составляющий приблизительно 16% населения, стал уменьшаться на фоне роста населения других регионов. В связи с этими обстоятельствами А. И. Уткин писал о революционной демографии, которая изменит политическую картину мира [20, с. 390-391].

Демографический рост в развивающихся странах является одной из важнейших причин их политической нестабильности, о чем свидетельствуют события так называемой «арабской весны» 2011 г. [3, с. 93]. Рост населения создает предпосылки использования появившегося избытка населения в распространении политического господства в отношении других стран, что характерно для создания империй [13, с. 267]. Политическая организация в имперском проекте избыточных социальных сил предоставляет преимущества для реализации властных амбиций.

Научно-техническая революция выступает наиболее передовым воплощением модернизации, скорость научно-технического прогресса увеличивается [23, с. 474], в то же время ее результаты, более чем какие-либо другие новации Нового Времени, доступны для заимствований.

Новые технологии, позволяющие усовершенствовать производство, коммуникации, управление в таких сферах научных достижений как информатизация, энергетика, геноинженерия, нанотехнологии, биотехнологии и др. [12, с. 102-113; 16, с. 273-285, 616-622] позволят не только изменить экономическую, социальную и культурную жизнь человека и общества, но и повлияют на ее политическую составляющую [15, с. 195-227]. Следует рассматривать возможность обновления инструментов, составляющих набор ресурсов политического властвования. Насилие, угрозы его применения, принуждение, убеждение, поощрение и манипуляции с использованием новых технологий могут получить невиданную эффективность, что, вероятно, станет еще одной опорой новых империй.

В первом десятилетии XXI в., как отмечает А. Д. Богатуров, уже применяется широкий набор новых способов использования силы, которые позволяют технологически передовым державам добиваться практически необходимых политических целей при помощи силового инструментария доядерного уровня. Смысл войны сдвинулся от нанесения силового поражения противнику к «переделке под заказ» нападавшего. В нынешнем веке политическая цель нападения – не столько устранение врага, сколько приобретение партнера. Партнера, конечно, не равного, а младшего, ведомого, подчиненного, чувствительного к всестороннему влиянию более сильного участника такого партнерства [4, с. 58-59].

Военные «постядерные» технологии, такие как высокоточное оружие, информационные средства разведки и управления, новые и перспективные средства и способы вооруженной борьбы (кибероружие, лазерное, электромагнитное оружие), позволяют их обладателю подчинять своих противников за счет организационно-технического превосходства. При этом все большее значение приобретают идеологические, информационные, финансовые ресурсы и скоординированность их применения политическим руководством. Применение всей совокупности военно-политического и организационного инструментария позволяет ведущим технологическим державам-неоимпериям преобразовывать в своих интересах геополитический ландшафт, формируя свою периферию, зависимую в политическом, идеологическом, военном и технологическом отношениях.

В то же время новые технологии вызывают конкуренцию за первенство в их изобретении и внедрении, а также контроле над природными (пока преимущественно энергетическими) и трудовыми ресурсами, необходимыми для их производства и воспроизводства. В силу этого обстоятельства неоимперские центры будут последовательно формировать свои сферы влияния, добиваясь подконтрольности над теми регионами, в которых присутствуют необходимые для них ресурсы. Научно-технологическое лидерство для неоимперий станет одним из оснований их политического господства и показателем их цивилизационного первенства.

В XXI в. наблюдается преобладание тенденции региональной разобщенности, приводящей к новому разделу мира на сферы влияния между политическими центрами силы – неоимпериями, к числу которых следует отнести США, Китай, ЕС и Россию. Политическая трансформация, демографические изменения и распространение достижений научно-технической революции, вероятно, приведут к формированию новых протимперий из числа развивающихся стран, образующих неоимперские центры будущего.

Список литературы

1. **Аттали Ж.** Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. С. 52-63.
2. **Бек У.** Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. 464 с.
3. **Белокреницкий В. Я.** Рост населения в исламском мире // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 83-96.
4. **Богатуров А. Д.** «Принуждение к партнерству» и изъяны неравновесного мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 58-70.
5. **Василенко С. В.** Безопасность России в контексте становления глобального гражданского общества: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006. 24 с.
6. **Ворота в глобальную экономику** / под ред. О. Андерссон, Д. Андерссон. М.: Фазис, 2001. 464 с.
7. **Гальтунг Й.** Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 8-19.
8. **Дерлугьян Г.** Государство и глобализация // Эксперт. 2000. № 48 (260). С. 82-84.
9. **Журавлев С.** Как рождаются потерянные десятилетия // Эксперт. 2011. № 45 (778). С. 64-70.
10. **Звонова Е. А., Журавлева Ю. А.** Международные валютные войны в конце 2010 г.: позиции валют отдельных стран // Валютное регулирование и валютный контроль. 2011. № 2. С. 4-9.
11. **Крейдич Т. В.** Тенденции транснационализации мировой экономики в условиях глобализации // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. № 1. С. 209-214.
12. **Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир:** доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009. 188 с.
13. **Момот М.** Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 266-282.
14. **Паньков В. С.** Глобализация экономики: сущность, реалии, виды на будущее // Международная экономика. 2009. № 6. С. 4-23.
15. **Пенн М. Дж.** Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. 510 с.
16. **Переслегин С. Б.** Новые карты будущего. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. 701 с.
17. **Сергеев В. М., Казанцев А. А.** Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. № 2. С. 18-30.
18. **Слипенчук М. В.** Глобализация мирового финансового рынка и перспектива российского сектора // Труды Института системного анализа РАН. 2008. Т. 36. С. 108-125.
19. **Соколова А. А.** Политическая трансформация государства в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2010. 25 с.
20. **Уткин А. И.** Подъем и падение Запада. М. АСТ; АСТ Москва, 2008. 761 с.
21. **Фридман Дж.** Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в. М.: Эксмо, 2010. 336 с.
22. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. АСТ; АСТ Москва, 2008. 635 с.
23. **Шапиро Р.** Прогноз на будущее. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. 537 с.
24. **Эгциони А.** От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 384 с.
25. **Colomer J. M.** Great Empires, Small Nations: the Uncertain Future of the Sovereign State. L. - N. Y.: Routledge, 2007. 128 p.
26. **Ohmae K.** The End of the Nation-State: the Rise of Regional Economies. N. Y.: Simon and Schuster, Inc., 1995. 214 p.

NEO-IMPERIAL CENTRES IN POLITICAL PROJECTIVITY OF THE XXIST CENTURY

Vasilii Valer'evich Shishkov, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of State Service and Personnel Policy
Institute of State Service and Personnel Management
Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President
fh55@mail.ru

The author considers the variability of political development prospects, analyzes political scientists' positions, determines the problem of the dominant political model identification, which form and implementation will determine the main directions of political development, substantiates the inevitability of neo-imperial centres rise and formation in the XXIst century, and reveals the factors contributing to and accompanying this process.

Key words and phrases: empire; national state; sovereignty asymmetry; neo-empire; centre and periphery; political transformation; supra-nationality; demographic changes.